ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ,

в которой рассказывается о том, как праведник Чжэнь Юань-цзы захватил паломника за священными книгами и как Сунь У-кун учинил разгром в монастыре Учжуангуанъ

Войдя в зал, ученики сказали своему учителю:

— Кушанье скоро будет готово. Вы об этом хотели спросить у нас?

— Нет, — отвечал Сюань-цзан, — совсем не об этом. Здесь в монастыре растет дерево жизни, плоды его похожи на новорожденного младенца. Так вот, кто из вас украл и съел эти плоды?

— Я и в глаза их не видел, — отвечал Чжу Ба-цзе.

— Вот кто это сделал, — крикнул тут Цин-фын. — И еще смеется!

— У меня от рождения улыбка на лице, — крикнул Сунь У-кун. — И потом, я не видел никаких ваших плодов, почему же мне не смеяться?

— Ты не сердись, — сказал Сюань-цзан. — Нам, людям монашеского звания, не пристало ругаться и есть то, что нам не положено. Если вы виновны, принесите извинение. Зачем же отпираться?

Выслушав учителя, Сунь У-кун решил, что тот вполне прав и надо сказать всю правду.

— Учитель, — сказал он. — Я не виноват. Чжу Ба-цзе узнал, что послушники за перегородкой едят плоды жизни. Ему тоже захотелось их попробовать. Тогда он попросил меня достать этот плод. Я достал три штуки и каждый из нас съел по одному плоду. А раз съели, так о чем теперь говорить?

— Ну, не разбойник ли этот монах! — крикнул Мин-юе. — Ведь он выкрал целых четыре плода!

— О милосердный Будда! Как же так? Выкрали четыре, а у нас оказалось только три. Видимо, один плод Сунь У-кун спрятал для себя, — ворчал Дурень.

Узнав, что плоды жизни действительно украдены, послушники еще больше разозлились. Все это привело в ярость Великого Мудреца. Он заскрежетал зубами и, вытаращив свои огненные глаза, метавшие молнии, принялся вращать посохом. Едва сдерживая гнев, он пробормотал:

— Как нагло ведут себя эти послушники! Уж лучше бы отколотили нас. А то завели какую-то канитель. С какой стати мы должны терпеть это? Ну, погодите, разделаюсь я с вами, не придется вам больше кушать этих плодов.

С этими словами он выдернул у себя с загривка волосок и, дунув на него, крикнул:

— Изменись!

В тот же миг волосок превратился в точную копию Сунь У-куна, которого он усадил рядом с Танским монахом и вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном оставил выслушивать ругань послушников. А из самого Сунь У-куна в это время вылетел дух, который, вскочив на облако, поплыл прямо в сад. Здесь он постучал своим посохом и, призвав магическую силу, способную сдвигать горы и хребты, свалил дерево жизни. Увы! от дерева полетели лишь ветки, и оно свалилось, обнажив корни. Даосы лишились волшебных плодов, продлевающих жизнь.

Свалив дерево, Великий Мудрец стал искать плоды, однако ничего не нашел. А дело в том, что они, как вы уже знаете, от соприкосновения с металлом падали вниз. А так как посох Сунь У-куна имел с обоих концов золотые ободки и был сделан из железа, то плоды тут же попадали вниз и ушли в землю. Вот поэтому-то на дереве не осталось ни одного плода.

— Отлично! — воскликнул Сунь У-кун. — Теперь мы квиты!

Он вернулся в зал, водворил на место выдернутый волосок и принял свой обычный вид. Однако для простых смертных, находившихся в зале, все его действия остались незамеченными.

Но вернемся к послушникам. Наругавшись вдосталь, Цин-фын сказал:

— Эти монахи терпеливы, словно курицы, и совершенно спокойно выносят оскорбления. Сколько мы ругали их, а они и словом не обмолвились. Возможно, что не они выкрали плоды жизни. Мы могли неверно сосчитать: ветви на верхушке дерева очень густые. Не будем больше зря бранить их, пойдем-ка посмотрим еще раз как следует.

— Ты прав, пожалуй, — согласился Мин-юе.

И они снова отправились в сад. Дерево жизни лежало на земле со сломанными ветвями и изуродованным стволом. У Цин-фына от испуга отнялись ноги, и он рухнул на землю, а Мин-юе почувствовал слабость во всем теле и задрожал как осиновый лист.

У послушников в голове все помутилось, и, лежа в пыли, они причитали:

— Что ж теперь делать! Что делать! Ведь они уничтожили драгоценность монастыря Учжуангуань и лишили потомство наших бессмертных плодов! Что мы скажем учителю, когда он вернется?

— Вот что, брат, — сказал наконец Мин-юе. — Перестань кричать. Давай-ка лучше приведем себя в порядок и постараемся не вспугнуть монахов. Все это, конечно, дело рук волосатого монаха с лицом Бога грома. Это он своим волшебством погубил нашу драгоценность. Если мы

станем с ними ссориться, они, конечно, будут от всего отказываться и в конце концов начнут с нами драку. А разве можем мы двое справиться с четырьмя? Поэтому не надо пока их раздражать, скажем, что мы ошиблись — плоды все на месте, и извинимся перед ними. Когда же они примутся за еду, мы добавим им закуски. Как только каждый из них возьмет в руки чашку, мы сразу же захлопнем все ворота, повесим замки и не выпустим монахов отсюда. Вернется учитель, пусть сам все рассудит. Этот монах его старинный друг. Может быть, наш учитель окажется настолько гуманным, что простит его. Если же он захочет наказать их, разбойники будут в наших руках, и мы хоть таким путем искупим свою вину.

— Вот это правильно!— подтвердил, выслушав его, Цин-фын.

Кое-как собравшись с духом и стараясь придать своему лицу радостное выражение, они пришли в зал и, низко кланяясь монаху, промолвили:

— Вы уж не сердитесь на нас, почтенный отец, за нашу грубость.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Сюань-цзан.

— Плоды, оказывается, все на месте, — сказал Цин-фын. — Листва на верхушке очень густая, и мы не могли правильно сосчитать плодов. А вот сейчас пошли проверили, и все оказалось на месте.

Тут Чжу Ба-цзе с негодованием сказал:

— Вы так молоды, что даже не умеете вести себя! Начали ругаться и понапрасну обвинили нас. Это недостойно человека!

Один только Сунь У-кун все понимал и думал про себя:

«Врете, друзья, врете! Плодов жизни больше нет! Не иначе, как вы пустились на хитрость, чтобы выйти сухими из воды».

— Ну, в таком случае накрывайте на стол, — сказал Сюань-цзан. — Подкрепимся и в путь.

Чжу Ба-цзе пошел на кухню за едой, а Ша-сэн поставил стол и стулья. Послушники поспешили принести закуски. Тут были маринованные тыквы, баклажаны, соленья, редька, маринованные бобы, семена лотоса, сельдерей — в общем, семь тарелок. Кроме того, был подан чайник с прекрасным ароматным чаем и две чайных чашки. Словом, послушники старались, как могли, угодить гостям. И вот, как только Сюань-цзан и его ученики взяли в руки чашки с едой, послушники с шумом захлопнули ворота и закрыли их на замок с двумя пружинами.

— Эй вы послушники, — сказал засмеявшись Чжу Ба- цзе. — Что вы делаете? Какие-то чудные у вас тут обычаи. Неужели, когда вы едите, вы закрываете ворота?

— Вы совершенно правы, — сказал Мин-юе. — Вы ешьте, а потом мы откроем ворота.

Но Цин-фын, не выдержав, начал ругаться.

— Погодите, лысые разбойники, мы отомстим вам за вашу жадность! Вы стащили у нас священные плоды и должны поплатиться за это, как преступники, забравшиеся в поле или в сад. Но это еще не все. Вы повалили священное дерево и уничтожили драгоценность монастыря Учжуангуань. Что вы можете сказать в свое оправдание? Лишь в том случае, если вам удастся добраться до Индии и вы увидите Будду, вы сможете пребывать в новом перевоплощении.

При этих словах Сюань-цзан выронил чашку из рук и почувствовал, как тяжело стало у него на сердце. Между тем, закрыв все ворота, послушники вернулись к дверям зала и начали всячески поносить паломников. Они кричали до позднего вечера, пока сильно не проголодались. А после трапезы ушли к себе. Тут Сюань-цзан стал отчитывать Сунь У-куна.

— Пакостная ты обезьяна! — говорил он. — Вечно из-за тебя какие-нибудь несчастья! Если бы ты только украл плоды, они посердились бы, поругались — и дело с концом. Так надо было тебе повалить дерево жизни. Ведь если разобраться в этом деле, то будь на месте судьи даже твой родной отец, он и то ничего не смог бы сказать в твое оправдание!

— Не волнуйтесь, учитель, — сказал Сунь У-кун. — Подождем, пока послушники уснут, и тут же тронемся в путь.

— Да что ты, брат! — сказал Ша-сэн. — Как можем мы это сделать, если все ворота крепко-накрепко заперты?

— Об этом не беспокойся! — сказал смеясь Сунь У-кун. — Я знаю, что делать.

— О, тебе что беспокоиться, — заметил Чжу Ба-цзе. — Ты можешь превратиться в насекомое и вылететь через любую щелочку. А вот мы не обладаем такой способностью и вынуждены будем остаться здесь: расплачиваться за других.

— Пусть только он попробует поступить так и отправиться без нас, — сказал тут Сюань-цзан. — Я прочитаю строки из псалма Старой сутры, посмотрим, как это ему понравится!

Чжу Ба-цзе хоть и был огорчен, все же не утерпел, чтобы не рассмеяться.

— Учитель, о чем вы говорите? Мне известно, что среди священных буддийских книг имеются сутры Лэняньцзин, Фахуацзин, сутра Павлина, Алмазная сутра, сутра бодисатвы Гуаньинь, но о Старой сутре я никогда ничего не слышал.

— Да ты, брат, не знаешь, в чем дело, — сказал Сунь У-кун. — Обруч, который я ношу на своей

голове, подарен нашему учителю самой бодисатвой Гуаньинь. Учитель обманом уговорил меня надеть его, и как только я это сделал, он словно прирос ко мне. И теперь нечего даже думать о том, чтобы его снять. Заклинание это называется «Сжатие обруча», вот что значит Старая сутра. Как только учитель начинает читать заклинание, у меня сразу же появляется нестерпимая головная боль. Этим учитель держит меня в руках.

Учитель! — обратился он к Сюань-цзану. — Пожалуйста, не читайте своего заклинания. Я никого не собираюсь обманывать и обещаю вывести вас всех отсюда.

Когда они закончили разговор, на востоке взошла луна.

— Сейчас самое подходящее время трогаться в путь, — сказал Сунь У-кун. — Вокруг все тихо, взошла луна.

— Да что ты голову морочишь, — сказал Чжу Ба-цзе. — Куда же мы пойдем, когда все ворота заперты?

— Не веришь, так смотри! — сказал Сунь У-кун.

С этими словами он взял свой посох, повертел его в руках и произнес «Заклинание о раскрытии замков». Затем он указал им на ворота, и в тот же миг все замки с лязгом полетели вниз, а ворота с шумом распахнулись.

— Вот это ловко! — с удовлетворением воскликнул Чжу Ба-цзе. — Даже волшебник-алхимик не мог бы так сделать.

— Подумаешь, какая невидаль, — сказал Сунь У-кун. — Да если бы здесь были Южные ворота неба, и они раскрылись бы.

Сунь У-кун предложил учителю выйти из монастыря и помог ему сесть верхом. Чжу Ба-цзе взял коромысло с вещами, а Ша-сэн повел коня.

— Идите пока медленно, — сказал Сунь У-кун. — А я позабочусь о том, чтобы послушники проспали целый месяц.

— Только смотри, не причини им вреда, — предупредил Сюань-цзан. — Иначе ты поплатишься за свою неблагодарность.

— Не беспокойтесь, — ответил Сунь У-кун.

Затем он вошел в монастырь и подошел к той комнате, где спали послушники. В поясе у Сунь У-куна были запрятаны насекомые, которые усыпляли людей. В свое время он выиграл их у

одного из князей неба Цзэн-чана — Вирупакши, когда играл с ним в цайцюань у Восточных ворот неба. И вот Сунь У-кун вытащил двух насекомых и бросил их в окно. Насекомые побежали прямо к послушникам, которые сладко спали. После этого Сунь У-кун нагнал Танского монаха, и они все вместе зашагал и на запад. Всю ночь, до самого рассвета, путники, не останавливаясь, шли вперед.

— Эта обезьяна доконает меня, — сказал Сюань-цзан. — Из-за тебя я не спал всю ночь.

— Вы, учитель, только и знаете, что ворчать, — обиделся Сунь У-кун. — Сейчас уже светло, и вы можете немного отдохнуть где-нибудь у дороги под деревьями.

Тогда Сюань-цзан спешился и, подойдя к дереву, устроил себе постель. Ша-сэн поставил на землю коромысло и задремал, а Чжу Ба-цзе улегся спать, подложив под голову камень. Сунь У-кун был очень доволен. Взобравшись на дерево, он начал резвиться и прыгать по ветвям. Однако о том, как отдыхали четыре паломника, мы распространяться не будем.

Вернемся теперь к праведнику Чжэнь Юань-цзы. После того как проповедь во дворце Мило была закончена, он вместе со своими учениками покинул небо Тушита, спустился на яшмовое небо и, воссев на лучезарные облака, вскоре прибыл к воротам монастыря Учжуангуань на горе Ваныноушань. Ворота монастыря были распахнуты настежь, а земля чисто подметена.

— Цин-фын и Мин-юе действительно надежные люди, — сказал праведник. — Обычно, когда солнце только под горизонтом, они еще даже не потягиваются. А вот теперь, оставшись одни, не поленились подняться рано и подмести двор.

Сопровождавших его учеников обрадовали эти слова. Однако, войдя в храм, они увидели, что никто не возжег фимиама, и не могли понять, куда девались Цин-фын и Мин-юе.

— Вероятно, они решили воспользоваться нашим отсутствием, захватить с собой кое-что из вещей и скрыться, — высказал кто-то свое предположение.

— Ну, что за глупости! — воскликнул праведник. — Разве может человек, отрекшийся от мира, совершить столь постыдный поступок. Просто вчера вечером перед сном они забыли запереть ворота, а сегодня еще не вставали.

И действительно, дверь в комнату послушников была заперта и оттуда доносился храп. Однако ни стук в дверь, ни крики не разбудили послушников. Пришлось высадить дверь и стащить послушников с кровати. Но те не просыпались.

— Ну и молодцы! — рассмеялся праведник. — Когда человек обретает бессмертие, он всегда полон энергии и не думает о сне. Неужели они так сильно утомились? Быть не может, это ктото околдовал их. Воды! Живее!

Один из послушников поспешил выполнить приказание. Праведник произнес заклинание и, набрав в рот воды, прыснул ею в лица послушников. В тот же миг они освободились от сонных чар и, широко открыв глаза, увидели своего учителя и собратьев.

Они тут же стали отбивать поклоны, приговаривая:

— Уважаемый учитель! Ваш друг хоть и монах, но он и его спутники — настоящие бандиты.

— Вы не волнуйтесь, — сказал с улыбкой праведник, — и расскажите все толком.

— Учитель, — начал тогда Цин-фын, — после того как мы расстались с вами, сюда прибыл Танский монах из Китая и с ним три его ученика. У них был конь. Не смея нарушить вашу волю, мы расспросили их о цели путешествия, а затем сорвали два плода жизни и преподнесли их монаху. Однако монах оказался простым смертным и не смог оценить наше сокровище. Как ни упрашивали мы его попробовать эти плоды, он упорно твердил, что мы предлагаем ему новорожденных младенцев, и наотрез отказался принять угощение. Тогда мы сами съели эти плоды. Кто мог подумать, что один из его учеников, странствующий монах по имени Сунь У-кун, и его товарищи украдут у нас четыре плода и съедят их? Но Сунь У-кун ни за что не хотел сознаваться в этом и, применив волшебство… — Тут Цин-фын остановился, не в силах продолжать.

У послушников потекли по щекам слезы.

— А бил вас этот монах? — спросили послушников бессмертные.

— Нет, не бил, — отвечал Мин-юе. — Но он погубил наше дерево жизни.

— Не горюйте и не плачьте! — успокоил их праведник, у которого рассказ послушников не вызвал и тени возмущения. — Вы, конечно, не знаете, что этот монах, по имени Сунь У-кун — один из бывших служителей секты Тай-и. Когда-то он учинил в небесных чертогах дебош. Он обладает необычайной сверхъестественной силой. Надеюсь, вы сможете опознать этих монахов?

— Разумеется, — отвечал Цин-фын.

— В таком случае следуйте за мной, — приказал праведник. — А вы, — обратился он к остальным ученикам, — приготовьте все, что необходимо для наказания. Мы приведем монахов обратно, и вы как следует проучите их.

Ученики отправились выполнять приказание, а сам праведник вместе с Мин-юе и Цин-фыном взобрался на волшебное облако и отправился догонять Сюань-цзана. За какой-нибудь миг они проделали расстояние в тысячу ли. Праведник внимательно посмотрел на запад, но никаких следов Сюань-цзана там не обнаружил. Тогда он посмотрел на восток и увидел, что они

обогнали Сюань-цзана больше чем на девятьсот ли. Несмотря на то что Сюань-цзан со своими учениками шел, не отдыхая всю ночь, он проделал путь всего в сто двадцать ли, в то время как праведник на своем волшебном облаке в один миг обогнал его.

— Учитель, — промолвили послушники, — человек, который сидит под деревом у дороги, и есть Танский монах.

— Да я и сам вижу, — отвечал праведник. — Вы возвращайтесь, приготовьте веревки и ждите. Я поймаю и приведу его.

С этими словами праведник опустился на землю и, встряхнувшись, принял вид странствующего святого.

В сплошных заплатах ветхая ряса,

Пенькой простою подпоясан,

Из хвоста оленя в руках мухобойка,

В барабан деревянный ударяет легонько,

На ногах башмаки из соломы,

Голова платком обмотана скромным,

Рукавами встречный ветер играет,

Шагает он, песенку о луне напевая...

Подойдя прямо к дереву, под которым отдыхал Сюань-цзан, он громким голосом обратился к нему:

— Учитель! Скромный монах приветствует вас!

Сюань-цзан поспешил ответить на приветствие почтительным поклоном и сказал:

— Простите, пожалуйста, мою неучтивость!

— Откуда путь держите, учитель? — спросил праведник:— И почему сидите здесь, у дороги?

— Я послан великим китайским императором Танов в Индию за священными книгами, — отвечал ему Сюань-цзан. — И вот, утомившись, решил немного отдохнуть.

— Ах, вот как! — с притворным удивлением воскликнул праведник: — Раз вы едете из Китая,

то, верно, побывали на той горе, где живу я?

— Не знаю, на какой горе находится ваша уважаемая обитель, — сказал Сюань-цзан.

— Я обитаю в монастыре Учжуангуань, на горе Ваньшоушань.

Сунь У-кун, слышавший все это, решил на всякий случай вступить в разговор.

— Нет, нет, мы там не были. Мы проехали верхней дорогой, — сказал он.

— Я тебе покажу, низкая обезьяна! — смеясь сказал праведник, тыча пальцем в Сунь У-куна. — Кого же это ты вздумал обманывать? Ведь это ты повалил дерево жизни. Вы шли всю ночь, но, как видишь, недалеко ушли. Для чего же ты отпираешься? Мы все равно не отпустим вас. Ты должен вернуть нам дерево.

Услышав это, Сунь У-кун рассвирепел. Схватив свой посох, он размахнулся и хотел ударить праведника по голове. Однако тот уклонился от удара и на облаке вознесся в небо. Сунь У-кун тоже вскочил на облако и бросился за ним вдогонку. В воздухе праведник принял свой настоящий вид.

Сунь У-кун размахивал своим посохом во все стороны. Праведник же, поворачивая свою мухобойку то вправо, то влево, отражал удары и, наконец, пустил в ход волшебство. Он раскрыл свой рукав навстречу ветру, взмахнул им, и в тот же миг все четыре паломника, вместе с конем, оказались в рукаве.

— Дело дрянь!— сказал тут Чжу Ба-цзе. — Мы ведь попали в суму.

— Не в суму, Дурень, — сказал Сунь У-кун, — а в рукав.

— Ну, раз так, то не беда, — сказал Чжу Ба-цзе. — Дайте-ка я поработаю своими граблями, пробью дыру в рукаве и освобожусь. А потом можно сказать, что мы выпали по его собственной неосторожности.

И Чжу Ба-цзе изо всех сил ткнул граблями в рукав. Однако это оказалось бесполезным. Наощупь преграда казалась мягкой, в действительности же была крепче железа.

В тот же миг праведник повернул облако и сразу же опустился около монастыря Учжуангуань. Здесь собрались все его ученики, готовые выполнить любое приказание. Праведник велел принести веревку и стал вытаскивать из рукава своих пленников, словно кукол. Первым он вытащил Танского монаха и велел привязать его к колонне в центральном зале. Затем вынул трех его учеников, которых тоже привязали к столбу. И, наконец, он вынул коня, которого привязали на дворе и дали ему сена. Вещи паломников праведник бросил на веранду.

— Ученики мои, — сказал он. — Эти монахи отреклись от суетного мира, поэтому к ним нельзя применить ни меча, ни пики, ни топора. Принесите-ка плетку и вздуйте их, хоть душу отведем, а то очень жаль дерево жизни.

Послушники тотчас же выполнили приказание. А надо вам сказать, что плетка эта была неимоверной длины и сделана не из шкуры вола, барана, оленя или теленка, а из кожи дракона. Кроме того, ее специально отмачивали в воде. И вот здоровенный послушник взял плетку в руки.

— Учитель, с кого начинать? — спросил он.

— Так как больше всех виноват Танский монах Сюань-цзан, то с него и начинайте, — сказал праведник.

Услышав это, Сунь У-кун подумал: «Наш учитель не вынесет побоев. Одного удара достаточно, чтобы покончить с ним. А ведь все это я наделал». И он тут же, не выдержав, сказал:

— Вы ошиблись, учитель! Ведь плоды украл и съел я, и дерево повалил тоже я. Почему же вы начинаете с него?

— Ишь, какая отчаянная обезьяна! — сказал улыбаясь праведник. — Ну что ж, тогда с нее и начинайте.

— А сколько ударов всыпать? — снова спросил послушник.

— Тридцать! Столько, сколько было плодов на дереве, — отвечал праведник.

Послушник взмахнул плеткой и начал отсчитывать удары.

Опасаясь, что удары будут чересчур сильны, Сунь У-кун напряг все свое внимание, чтобы угадать, по какому месту его будут бить. И, увидев, что послушник намеревается бить по ногам, Сунь У-кун сделал движение и сказал: «Изменяйтесь». В тот же миг его ноги стали железными.

Пока послушник отсчитал тридцать ударов, наступил полдень.

— Ну что ж, а теперь следует наказать Сюань-цзана за то, что он распустил своих разнузданных и упрямых учеников и тем самым нарушил заповедь религии, — сказал праведник.

Послушник хотел уже взяться за дело, но Сунь У-кун снова вмешался.

— Учитель, вы опять делаете ошибку, — сказал он. — Наш учитель понятия не имел о том, что я украл плоды. Он сидел в это время в зале и беседовал с вашими послушниками. Так что во всем виноваты мы, нас и наказывайте.

— Эта подлая обезьяна хотя и коварна, — сказал праведник, — но все же понимает, что надо почитать старших. Ну что ж, всыпь ей еще.

Послушник снова отсчитал тридцать ударов. И когда после этого Сунь У-кун посмотрел на свои ноги, они блестели, как зеркало. Но никакой боли он не испытывал. Между тем близился вечер.

— Опустите пока плетку в воду. — сказал праведник. — Подождем утра и тогда продолжим наказание.

Поужинав, все ушли на покой, однако распространяться об этом мы больше не будем.

Сюань-цзан очень горевал по поводу всего случившегося, и по лицу у него текли слезы.

— Мало того, что вы натворили, — выговаривал он своим ученикам, — так и меня еще впутали в это дело и мне приходится отвечать за вас. Как же можно все это вынести?

— Не ругайте нас, учитель, — стал просить Сунь У-кун. — Ведь не вас били, а меня, о чем же вам печалиться?

— Хоть меня и не били, — продолжал Сюань-цзан, — зато привязали и мне больно.

— Но ведь мы тоже привязаны, — сказал Ша-сэн.

— Ладно, перестаньте шуметь! — сказал Сунь У-кун. — Скоро тронемся в путь.

— Дорогой брат. Опять ты что-то затеваешь, — сказал Чжу Ба-цзе, — и все без толку. Веревки, которыми связали нас, конопляные, для крепости намочены в воде. Это, пожалуй, куда хуже, чем сидеть запертыми в храме. Тогда ты хоть мог посредством волшебства открыть ворота, и мы свободно прошли.

— Не хвастаясь, скажу вам, — отвечал на это Сунь У-кун, — что будь это не конопляные веревки, скрученные втрое и намоченные в воде, а канаты толщиной в чашку, сделанные из коры кокосовой пальмы, освободиться от них было бы для меня сущим пустяком.

Пока они разговаривали, вокруг все стихло. В это время бессмертные обычно удалялись на покой. И вот прекрасный Сунь У-кун стал уменьшаться и быстро освободился от веревок.

— Ну, учитель, пошли! — сказал он.

— Брат, — забеспокоился тут Ша-сэн. — Помоги и нам!

— Потише разговаривайте! — предупредил Сунь У-кун.

Освободив Сюань-цзана, он развязал также Чжу Ба-цзе и Ша-сэна. Затем привел в порядок свою одежду, оседлал коня, принес с веранды вещи, и они все вместе вышли из ворот.

— Чжу Ба-цзе, — сказал он. — Пойди сруби четыре ивы, что растут на берегу!

— Для чего они тебе? — удивился Чжу Ба-цзе.

— Нужны! Иди скорее!

Чжу Ба-цзе обладал огромной силой и мог одним ударом свалить дерево. Поэтому очень скоро он принес Сунь У-куну все четыре ивы. Тот обломал ветки, велел внести деревья в монастырь и поставить около тех столбов, где они сами до этого были привязаны. Затем Великий Мудрец произнес заклинание, надкусил кончик языка и, вспрыснув в деревья кровь, сказал: «Изменяйтесь!» В тот же момент одно дерево превратилось в Сюань-цзана, второе в Сунь У-куна, а остальные два в Ша-сэна и Чжу Ба-цзе. Деревья могли говорить и отвечали, если к ним обращались по имени. После этого Сунь У-кун с Чжу Ба-цзе поспешили в путь и вскоре догнали своего учителя.

В эту ночь, как и в предыдущую, они шли без остановок и далеко ушли от монастыря Учжуангуань. К утру Сюань-цзан совсем обессилел и спал, покачиваясь в седле.

— Учитель! — окликнул его Сунь У-кун. — Так не годится. Разве может монах быть таким слабым? Вот я, например, могу не спать тысячу ночей подряд и не буду чувствовать никакой усталости. Слезайте с коня, не то проезжие станут над вами смеяться. Укройтесь где-нибудь от ветра, отдохните, а потом двинемся дальше.

Не будем говорить сейчас о том, как отдыхали четверо паломников, а вернемся лучше в монастырь. На следующее утро праведник, позавтракав, вошел в зал.

— Принесите плетку, — приказал он. — Сегодня будет подвергнут наказанию Танский монах Сюань-цзан.

Послушник, взмахнув плеткой, сказал:

— Сейчас я буду тебя бить.

— Что ж, бей, — отвечало дерево.

Отсчитав тридцать ударов, послушник перешел к Чжу Ба-цзе.

— А теперь я примусь за тебя, — сказал он.

— Ладно, — отвечало дерево.

Точно так же ответил и Ша-сэн. Но когда очередь дошла до дерева, принявшего вид Сунь У-куна, настоящего Сунь У-куна, следовавшего в пути, вдруг пробрала дрожь.

— Плохи дела! — воскликнул он.

— Ты о чем это? — спросил Сюань-цзан.

— Превращая четыре дерева в наши подобия, — отвечал Сунь У-кун, — я был уверен, что сегодня меня уже бить не будут. Но, оказывается, я ошибся, и вот сейчас меня всего трясет. Придется снять заклинание.

И Сунь У-кун что-то быстро проговорил. Послушник, производивший наказание, от испуга выронил плетку.

— Учитель, — доложил он. — Первым подвергся наказанию Танский монах, а сейчас передо мной дерево!

Услышав это, праведник рассмеялся.

— Сунь У-кун — действительно Прекрасный царь обезьян, — сказал он. — Я слышал о том, что он учинил дебош в небесных чертогах и его не могли поймать никакими сетями, расставленными на небе и земле. Теперь я верю этому. Ну, хорошо, тебе удалось бежать, но зачем было устраивать эту штуку с деревьями? Нет, этого ему никак нельзя простить! Я догоню его!

Сказав это, праведник поднялся на облако и, посмотрев на запад, увидел идущих по дороге паломников: один нес вещи, другой ехал на коне.

— Куда же ты направился, Сунь У-кун? — посмотрев вниз, крикнул праведник. — Верни-ка нам дерево жизни!

— Все кончено! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Опять наш враг появился.

— Вот что, учитель, — сказал тут Сунь У-кун, — от благих помыслов придется пока отказаться. Разрешите нам применить силу. Мы в момент расправимся с ним и после этого сможем идти дальше.

Услышав это, Танский монах весь задрожал, но не успел он еще ответить, как все три его ученика, схватив свое волшебное оружие, все вместе поднялись в воздух и, окружив праведника, со всех сторон стали наносить ему удары.

Пустив в ход всю свою силу, они одновременно нападали на праведника. Однако тот лишь помахивал мухобойкой. Через каких-нибудь полстражи он, как и в первый раз, раскрыл свой рукав и изловил всех четырех паломников вместе с конем и вещами.

В следующий момент он повернул облако и тут же очутился в монастыре. Там его встретили бессмертные. Усевшись в зале, он одного за другим стал вынимать своих пленников. Танского монаха привязали к ясеню. Чжу Ба-цзе и Ша-сэна — рядом с ним, а Сунь У-куна связали и повалили на землю.

«Сейчас начнут допрашивать», — подумал Великий Мудрец.

Праведник приказал принести десять кусков полотна.

— Вот как заботятся о нас, Чжу Ба-цзе, — сказал смеясь Сунь У-кун. — Из полотна, вероятно, сошьют одежду. Чуть поэкономнее, так можно и рясу сшить.

Тем временем небожители принесли несколько кусков полотна.

— Заверните в полотно Танского монаха, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, — приказал праведник.

Небожители поспешили выполнить приказ.

— Вот здорово! — воскликнул Сунь У-кун. — Живых людей обряжают, как покойников!

Затем праведник приказал принести лак. Небожители принесли лак собственного изготовления и густым слоем покрыли полотно, в которое были обернуты три паломника. Свободной оставили только голову.

— Учитель, — сказал тут Чжу Ба-цзе. — Вы бы лучше внизу оставили отверстие, чтобы нам можно было справлять нужду.

Наконец праведник приказал принести большой котел.

— Ну, Чжу Ба-цзе, и повезло же нам — продолжал подшучивать Сунь У-кун. — Видишь, котел вынесли. Видимо, будут го- товить нам еду.

— Что ж, это дело! — откликнулся Чжу Ба-цзе. — Пусть покормят. На том свете хоть не будем голодными духами.

Небожители подтащили котел к крыльцу. Праведник приказал принести хвороста и разжечь костер.

— Налейте в котел масла и вскипятите его, — распоряжался он, — а когда масло начнет кипеть, бросьте туда Сунь У-куна. Пусть он поварится за то, что погубил дерево жизни.

— Это как раз то, чего я сам хотел. Давно не мылся, все тело зудит. Уж теперь-то я покупаюсь в свое удовольствие. Очень благодарен вам за вашу милость.

Вскоре масло закипело. Тут Великий Мудрец решил соблюсти осторожность. Опасаясь, что ему трудно будет устоять про- тив волшебства праведника и что, очутившись в котле, он будет бессилен что-либо сделать, он быстро осмотрелся и на восточной стороне под террасой заметил площадку для наблюдения за движением солнца, а на западной — каменного льва. Тут Сунь У-кун подтянулся и перекатился на западную сторону. Надкусив кончик языка, он опрыснул льва кровью и сказал: «Изменяйся!» В тот же миг каменный лев превратился в точную копию Сунь У-куна и тоже оказался связанным. А дух Сунь У-куна взлетел вверх, уселся на краю облака и, глядя вниз, стал наблюдать за даосами.

— Учитель, масло плещет через край, — доложили в этот момент праведнику его подчиненные.

— Опустите туда Сунь У-куна! — распорядился праведник.

Четверо бессмертных попытались было поднять Сунь У-куна, но не смогли даже сдвинуть его с места. Затем попробовали это сделать восемь человек, но тоже оказались бессильными. Затем подошли еще четверо, но и это не помогло.

— Да эта обезьяна, видимо, приросла к земле, — заговорили бессмертные, — ее трудно даже с места сдвинуть. Такая маленькая, а смотрите какая тяжелая.

Наконец двадцать человек подняли Сунь У-куна и бросили его прямо в котел. Брызги кипящего масла полетели во все стороны и попали на бессмертных. На лицах у них вскочили огромные волдыри. В этот момент послушник, поддерживавший огонь под котлом, вдруг закричал:

— Котел течет!

Не успел он крикнуть, как котел был совершенно пуст. Ну, а дело было в том, что вместо Сунь У-куна они бросили в котел каменного льва, который пробил дно.

— Ах ты подлая обезьяна! — закричал разгневанный праведник. — Продолжаешь безобразничать! Но мы сами даем ему возможность проделывать свои фокусы. Ну, пусть ты сбежал, ладно, но зачем ломать мой котел? Нет, нам, видно, не поймать эту поганую обезьяну. Она ускользает из рук, как песок или ртуть. Это все равно, что ловить тень или ветер… Пусть убегает, — сказал праведник. — А теперь развяжите Танского монаха и несите другой котел. Пусть хоть монах поплатится за то, что погибло дерево жизни.

Сюань-цзана быстро освободили. Между тем, находясь в воздухе, Сунь У-кун слышал все, что произошло внизу. «Ну, теперь учитель погиб, — подумал он. — Если его окунуть в котел с кипящим маслом, он тут же кончится, если сделать это вторично, он изжарится! Если же его обмакнуть туда несколько раз, получится разваренный монах. Надо во что бы то ни стало помочь ему!»

Тут Великий Мудрец опустился на облаке вниз и, скрестив руки, сказал:

— Не портите покрытой лаком материи! Не варите нашего учителя! Лучше я сам полезу в кипящее масло.

— Сейчас я тебе покажу, низкая тварь! — рассвирепел праведник. — Да как ты смеешь портить мои вещи?

— Со мной вы повстречались на свою беду, — смеясь сказал Сунь У-кун. — Но разве я виноват? Я сам хотел воспользоваться вашей милостью и помыться в масле, но мне необходимо было справить нужду. Если бы я сделал это, сидя в котле, то испортил бы ваше масло. Ну, а сейчас я сделал все, что нужно, и полностью очистился. Так что теперь мне можно лезть в котел. Прошу вас, сварите меня вместо учителя.

Услышав это, праведник зло рассмеялся и, выйдя из зала, схватил Сунь У-куна за шиворот.

Однако, что он сказал и как паломникам удалось избавиться от беды, вы узнаете, прочитав следующую главу.

http://tl.rulate.ru/book/14623/286431